

А. А. ЕВДОКИМОВ.

**Среднее Поволжье и —————
————— постигший его неурожай.**

**Издание Вологодской Губернской Кооперативной Комиссии
помощи голодающим.**

**ВОЛОГДА.
Типография Северосоюза.**

1921.

А. А. ЕВДОКИМОВ.

Среднее Поволжье и _____
_____ постигший его неурожай.

Издание Вологодской Губернской Кооперативной Комиссии
помощи голодающим.

К Т 1051807

ВОЛОГДА.
Типография Северосоюза.
1921.

Среднее Поволжье и постигший его неурожай.

С давних времен и до самых последних лет Северный край снабжался хлебом „снизу“. В девятнадцатом столетии этим „низом“ стало для северян Среднее Поволжье, то есть тот край, для которого серединой является течение Волги от Нижнего до Саратова и который расширяется в одну сторону до Уфы и в другую до Пензы и Тамбова.

На больших Волжских судах ежегодно отправлялись вверх по Волге до Рыбинска хлебные грузы, а отсюда распределялись по всему Северному Краю.

Для нас, северян, не избалованных своей природой, этот край, откуда к нам приходила великолепная, белая мука—„крупчатка“, сахаристые яблоки, вкусные арбузы, для нас этот край представлялся местом всяческого изобилия.

Он, действительно, и был таким в урожайные годы.

Черноземная почва и горячее солнце щедро оплачивали труд земледельца. А земельный простор, которым этот край отличался в некоторых своих частях, позволял делать большие запашки, и в урожайные годы получались излишки высокого качества пшеницы.

Но климат этих местностей издавна отличался засушливостью. Периодически повторялись годы, когда зловредные суховеи-ветры изсушали своим дыханием землю-почву и тогда растениям не хватало влаги для правильного роста. В такие годы земледелец с отчаянием видел свой погибающий труд и предчувствовал грядущее бедствие. Можно предполагать, что эта засушливость климата Средне-Волжского края с годами усиливалась, вследствие непредусмотрительного истребления лесов и лесочков, ибо леса замедляют таяние снега, питают водой речки и поддерживают влажность воздуха.

Неурожаи и голодовки вообще являются давним бедствием сельско-хозяйственной жизни и деятельности.

Трудно ремесло земледельца. Природа обращается к нему то с ласкою и приветом, то с безучастностью и с грозюю.

Законы природы, в которые мы еще не проникли и которых мы не поняли, представляются нам грубой случайностью:

„На грядку посадишь—высохнет,
В бороздку посадишь—вымокнет.

До 18-го века неурожаи и голодовки были обыкновенным явлением и в жизни всей Европы. А так как до 18-го века сообщение между отдельными государствами и даже провинциями в государстве были значительно труднее, нежели теперь, то недород, разразившийся в какой либо местности, приводил к ужасным последствиям.

В одиннадцатом веке, в Западной Европе старинные записи сообщают о шестидесяти случаях, происходящих в том или другом районе голодовок. Положение населения в эти черные годы становилось ужасным. Летописцы того времени сообщают:

„Человек пожирал человека; откапывали трупы и питались ими; более сильные убивали слабых, жарили их и с'едали; матери убивали своих детей, чтобы утолит голод их мясом“.

Летописцы того времени сообщают:

Последствиями голодовок и их спутниками—всегда были повальные болезни.

По исследованию немецкого историка Бюхера в Германии с 1326 г. по 1400-й год было 32 года эпидемий, с 1400 до 1500 г. около 40 лет эпидемий. Неурожай, голодовки и чумные эпидемии—это главные несчастья человеческого рода.

„Есть в мире Царь,
Этот Царь безпощаден—
Голод названье ему“...

Если к неурожаям, голодовкам и чумным эпидемиям прибавить еще войны, то в этом и будет главная причина того факта, что население Западной Европы до 18-го века увеличивалось крайне медленно.

В 18-м столетии в жизни Западной Европы наступают значительные перемены. Великая Французская Революция содействует раскрепощению крестьянства, которое в начале 19-го века становится свободным во всей Западной Европе. Промыш-

ленный переворот в Англии кладет начало преобладанию крупных форм фабричной и заводской промышленности. В это время многие научные открытия и технические изобретения увеличивают производительность человеческого труда, а международная торговля принимает характер мировой, всеобщий. Все эти перемены в своей совокупности содействуют тому, что неурожай и голодовки слабеют в силу своего действия.

В 19-м веке западно-европейское крестьянство постепенно развило в своей среде интерес к науке. В крестьянской среде появились дополнительные школы для взрослых, агрономические кружки и сообщества. Большое значение в крестьянской жизни сыграла также сельско-хозяйственная кооперация. Благодаря кооперации и агрономической науке западно-европейское крестьянство в 19-м веке значительно усовершенствовало „три основных машины земледельца“—почву, растение и животное.

Урожай здесь повсеместно поднялись, а недороды перестали быть тем страшным бичем, как в прежнее время.

В России движение к освобождению народа, к науке, к образованности трудовых классов в 19-м веке было слабее, нежели в Западной Европе.

Мы во всем запаздывали: и в освобождении крестьян, и в политической революции, и в применении кооперации.

А главное, в чем мы страшно отстали— это в проведении науки в земледельческие массы.

А так как наша страна, в отличие от Англии, Бельгии, Германии, до последних лет оставалась страной по преимуществу земледельческой, то техническая отсталость нашего крестьянства стала нашим коренным недостатком.

Через весь 19-й век у нас проходят, как и прежде, неурожай, голодовки и эпидемии.

В начале 19-го века в России на девять урожайных годов приходился один полный неурожайный год и кроме того два раза в 12 лет постигал отдельные местности частичный недород.

В период 1830—45 годов 8 лет были с плохим урожаем для всей России.

Вскоре после отмены крепостного права многие губернии были охвачены крупными неурожаями. Наиболее значительные из них были в 1863 г., 1865 г., 1867 г.

В 1873 г. разразился голод в Самарской губ., который половину этой обширной губернии привел в полное разорение.

С 1883 г. по 1898 г. недород хлебов по 50-ти губерниям имел место 9 раз. Наиболее сильные неурожай были в 1880 г., 1885 и 1891 г.

В 1898 г. неурожай имел место в губерниях: Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской, Нижегородской, Уфимской, Самарской.

В 1905 и 1906 г.г. снова сильный неурожай в ряде губерний России.

„Можно подумать, пишет один исследователь, что в последнее десятилетие неурожаи у нас являются нормой, а урожаи лишь счастливым исключением“.

Государство тратило на кормежку голодающих все более и более значительные суммы.

Из имперского продовольственного капитала на помощь голодающим было израсходовано:

в период 1891—900 г. . . . 105 мил. руб.

„ „ 1901—906 г. . . . 251 мил. руб.

Как часто бывает с отдельным человеком, что он не замечает происходящих с ним перемен, так произошло и с нами, российскими гражданами, в совокупности. Мы очень ошибались в оценке самих себя. По привычке мы считали свою страну богатой, а государственную казну неисчерпаемой.

Но в нашем богатстве и пышности было много показного.

Украшения лепили на здание усердно, а само оно стояло на слабом фундаменте, на зыбкой почве.

Основание общества составляли полуголодные рабочие в городах, и угнетаемые неурожаями крестьяне в селах.

Иностранцы, посещавшие нашу страну в конце 19-го и начале 20-го века, усматривали роковую невязку нашей жизни. По Волге у нас плавали лучшие в мире по

красоте и удобствам пароходы, вызывая как бы уважение к нашей культурности, а в десятках верст от Великой реки жило темное и нищее население сел и деревень, население трудолюбивое, но лишенное связи с наукой своего времени.

Так, например, Симбирскую губернию, одну из губерний Среднего Поволжья, один исследователь называет „постоянно-голодающей губернией“.

В 1898 году этот писатель так изображает деревенскую жизнь:

„Взгляните на наши деревни, разваливающиеся и подпертые избы, раскрытые двory, множество келий без всяких дворов.

Низкорослые, замороженные и недоразвитые лошади. Еле переставляющие ноги коровы, похожие больше на годовых телят, чем на дойных коров. Количество скота все убывает. Уже теперь есть целые волости, где в селениях насчитывается более половины безлошадных дворов“.

Далее тот же писатель сообщает о впечатлениях при подворном обходе Симбирской деревни:

„Какие ужасы обнаруживает подворный обход голодающей деревни, это и передать трудно. Мрак, сырость, холод неприветливой избы, удушливая вонь гнойных поражений человеческого тела, зловоние всевозможных выделений людей и животных, грязь, вповалку лежащие больные; испытанные, истощенные лица, худенькие, прозрачные детские руки, с тихим стоном про-

тягивающиеся за хлебом, молящие взоры взрослых—все это вместе захватывает у сытого человека дыхание“.

Другой исследователь деревни Среднего Поволжья описывает зимнее время жизни голодающего населения.

Горемычное население приспосаблиется к своей тяжелой судьбе. Для этого оно применяет „*зимнюю лежку*“.

„Лежка—это приспособление к минимальным потребностям, своеобразные опыты с отучением человека от пищи. Чтобы меньше есть, нужно меньше двигаться. Даже вовсе перестать двигаться, перестать говорить, если можно, перестать дышать и думать—больше спать, спать и спать, потому, что во сне все процессы задерживаются.

В доме воцаряется мрак и тишина.

По разным углам, а больше на печке и на полатах кучками и в одиночку лежит вся семья. Думы всех поглощены „лежкой“, сокращением дня и ночи... Целый уезд образует сказочное царство, где в течении долгой зимы царит непробудный сон...“

Такова была Российская жизнь в предверии 20-го века.

Сопоставьте блестящие, оживленные центральные улицы тогдашнего Петербурга и далекий, засыпанный снегом Симбирский уезд, приспособляющийся к зимней „лежке“.

В русской жизни было очень много условий, благодаря которым русский крестьянин не мог выбиться из под власти 10-

лода и болезней, что в некоторой степени удалось его западно-европейскому собрату.

Неурожаи бывают всюду.

Но при разумном хозяйничаньи, при современной научной обработке земли, при применении различных способов сохранения влаги в почве сила неурожая не принимает такого губительного характера, как у нас.

С другой стороны неурожаи особенно тяжело отражаются на хозяйствах обремененных тяжелыми государственными платежами.

И к тому же неурожаи приносят больше вреда населению забитому, темному, лишенному почина к переустройству своей жизни.

Есть пословица „на бедного Макара шишки валятся“.

И это не потому, что он бедный. А потому, что бедность, так часто соединяется с забитостью и темнотой. Казалось бы в бедности надо напрягать силы разума и бороться за лучшую долю. Оно так и бывает, но не всегда.

Прежде чем напрячь силы разума—бедность долго и много терпит.

И природа как бы не щадит бедного человека. Она также требует от него напряженных сил разума. Она как бы говорит ему: регулируй, направляй меня. Изучай меня. Предугадывай, будь предусмотрителен. Если же не будешь таким, то я за-

ставлю тебя напрягать силы разума страшными бедствиями.

В 19-м веке в познании природы человечество в своей совокупности сделало большие успехи.

Благодаря познанию природы и сельское хозяйство в Западной Европе и в Северной Америке обновилось.

У нас оно застыло в неподвижности, чуть-чуть только начинало раскачиваться. Старое правительство не понимало значения *природоведения* для крестьянина—земледельца. Да и образованное общество не всегда отчетливо сознавало это значение.

И природа оборачивалась к нам своей грозной стороной, как бы требуя:

„Познай меня! Пусти в ход силы своего разума. Выростай из детских пеленок“.

Засушливые годы в Среднем Поволжье повторялись периодически через известные промежутки времени. Если бы мы были предусмотрительны, то вместо того, чтобы расходовать общие средства на кормление голодных собратьев, мы затратили бы эти средства на улучшение климата Поволжья залесением, прорытием каналов и проч.

Но мы, по слову Пушкина, „были ленивы и нелюбопытны“.

Американцы создали о засушливом земледелии целую литературу.

И что, самое главное, американский земледелец втянут в научную работу.

На собрания крестьян в Америке постоянно ездят профессора и докладывают

о своих научных наблюдениях и выводах. Ничего похожего не знала наша деревня до самых последних лет.

Так и в резолюцию она вошла неграмотная и забитая.

Разразившийся в 1891-м году голод в Среднем Поволжье был как бы неким предупреждением нашему общественному сознанию. Вот как описывает эти годы наш известный писатель Владимир Галактионович Короленко:

„В течение двух предыдущих лет я имел случай отметить грозные признаки. С какою то систематическою беспощадностью, которая невольно внушает суеверную идею сознательной преднамеренности, природа преследовала человека. С нижегородских гор безпрестанно виднелись в Заволжье огни и дым пожаров. Голод подкрадывался к нам среди этого зноя и дыма, среди этой засухи; он у нас был, ходил по деревням уже два года, но мы ~~его~~ не замечали“...

В неурожайные годы бедствие усугубляется нередко появлением вредителей, пожирающих скудный урожай.

Так было и в 1891 году. Один деревенский корреспондент того времени писал следующее сообщение:

„Явилась гусеница, ест хлеб саранча, едят черви, доедают пауки; погибла жатва в поле, истлели семена под глыбами земли, опустели житницы, не стало хлеба.

Стонет скот и падает, уныло ходят стада волов, томятся овцы—нет для них пажити.

Заклучилось небо и стало медяно, нет росы, пришла засуха и огонь“.

Голод 1891 г. произвел, как известно, большое впечатление на русское общество, но преподанный им урок нашему общественному сознанию все же скоро начал забываться.

Писатель Владимир Галактианович Короленко должен был написать в журнале Нижегородской Комиссии свое *особое мнение*, которое гласило следующее:

„Нынешнее стихийное бедствие является результатом не одних стихийных бедствий нынешнего года. Случайности эти встретились с условиями хозяйства, глубоко подорванного целым рядом предыдущих лет, и оно не нашло в себе силы для стойкого сопротивления. Необходимо *прежде всего преодолеть возможность в будущем такой же катастрофы*“.

Увы! Об этом предоотвращении катастрофы не *подумали*, так крепко, так настойчиво, так всенародно, как это нужно было.

Не подумали об этом тогдашние высшие сословия страны. Недостаточно думало об этом образованное общество. Не позаботилось царское правительство, обуреваемое боязнью крестьянского просвещения.

В то время, как западно-европейское и северо-американское крестьянство вошло в связь с образованностью века, приняло в свои хозяйства науку, изучало законы природы и боролось с возможными бедствиями,—российское крестьянство лишь в

слабой степени, еле-еле двинулось по этому пути. На этом пути наше крестьянство встречало очень мало помощи и поддержки и очень много преград и препятствий.

Запоздали мы страшно.

Вся тяжесть этого запоздания упала на наше поколение.

Вся тяжесть этого запоздания целиком вошла и в нашу Революцию.

Великая Революция застала нас мало подготовленными к строительству новой жизни.

Летом 1918-го года пишущему эти строки пришлось участвовать в отряде культурников на плавучей агрономической выставке. Мы провели по реке Волге на пароходе три месяца, передвигаясь от одной пристани к другой, проехали путь от Кинешмы и до Симбирска, сделав на этом пути свыше 40 остановок.

В нашем отряде были агрономы, врачи, педагоги, кооператоры. Каждый от своей специальности старался вникнуть в хозяйственную жизнь края. Для этой цели мы посещали кооперативы, поля, сады, больницы, школы, собирали собрания учителей, кооператоров, садоводов и проч.

Несколько десятков тысяч людей посетили нашу выставку, со многими приходилось беседовать и узнавать их нужды и болячки. Время от времени мы устраивали собрания всех сотрудников и делились впечатлениями. И в итоге этого путешествия по Средней Волге у всех остались одни и

те же заключения, что хозяйственная жизнь этого края и его быт находятся в состоянии крайнего упадка.

От Нижнего и до Симбирска по берегам Волги обширные яблочные сады занимают тысячи десятин. При хорошем уходе они давали бы громадные количества сладкого питательного вещества, особенно-необходимого для ребят.

В 1918-году ожидался на яблоки урожай; но, Боже мой, в каком состоянии были средне-волжские сады! Они были страшно запущены. Целые тучи вредителей пожирала в них не только завязи плодов, но и листья. А население не будучи приучено к борьбе с вредителями, смотрело на гибель своего богатства с „опущенными руками“. Эта психология „опущенных рук“ ясно сказывалась во всех беседах с населением. Не знаем, чем бороться, не знаем, как бороться, не знаем, где достать средств для борьбы, не знаем, даже можно ли бороться. „Может—это наказание, может—это нужно терпеть“,—вот какова психология человека из массы. На почве этой психологии „опущенных рук“ вредители развелись в саду.

Они губят скот, морят птицу.

Они наполнили погреба и гноят продукты.

Поля заросли сорными травами. Всюду господствует без изменения старинное трехполье. Нет ни травосеяния, ни разведения корнеплодов. Орудия обработки почвы дав-

нишние. Во многих местах рядовые сеялки редкость.

Санитарное состояние мест ниже всякой критики. Водоснабжение в плохом состоянии. Больницы в плохом состоянии. Школа ведется по рутине. Среди учителей интерес к сельскому хозяйству не вызван. Во многих местах ясно замечается „боязливая темнота“ населения. Так были случаи, когда врачей из нашего отряда, осматривавших колодцы, женщины поселянки заподозривали в том, что они привезли „холеру“, отравляют воду.

Находившиеся в нашем отряде американские педагоги и агрономы не мало дивились односторонности нашей культуры. Большие способности обнаружены нашим народом в искусствах, о чем говорят художественные изделия наших кустарей, в музыке, о чем свидетельствует наша народная песня, в литературе—которую знает и ценит весь мир.

И в тоже время в обработке земли—почвы, в хозяйстве, в домашнем обиходе мы так отстали от „духа века,“ так запоздали в изучении нашей природы, так ослабели в использовании наших природных богатств.

Мы стались чуть ли не единственным великим цивилизованным народом, который не использовал открытий науки в 19-м веке для поднятия своего сельского хозяйства.

Вот в чем самое большое наше горе. Об этом нашем горе—злосчастьи напоминает нам и настоящий неурожай в Среднем Поволжье. В окружении революционных потрясений, и гражданской войны неурожай становится *юлодом*, становится бедствием, всенародным несчастьем. Северное крестьянство должно вспомнить труды земледельцев Средняго Поволжья, вспомнить дары их полей и садов, которые многократно посылались со средней Волги, через Рыбинск северному крестьянству. По старому русскому обычаю надо „отдарить“ Среднее Поволжье посильными жертвами от урожая наших полей. „Рука дающего не оскудеет.“

Это наша первая задача, наша первая забота по отношению к страдающим братьям. Тяжелая и жестокая ждет их зима. А зимы в Среднем Поволжье бывают холодны и суровы—почти как на Севере.

Поможем им прожить до теплого весеннего времени, окажем им братскую услугу, поступим так, как должны поступить добрые кооператоры, которые во всей своей жизни, во всех поступках выдвигают на первый план взаимопомощь.

Но, выполнив в этом отношении наш долг, исполнив эту первоочередную задачу, не забудем и другой важной задачи, которая заключается в том, чтобы теперь же начать думать крепко и настойчиво о мерах к предоотвращению подобных несчастий на всем пространстве нашей страны.

А для этого надо протянуть нить от земледельца к науке и дать сильный и здоровый рост сельско-хозяйственной кооперации.

Братья земледельцы! Будите каждый в себе и взаимно друг в друге научный интерес. Устраивайте товарищества, кружки для изучения природы своего края и лучших способов хозяйства.

Создавайте товарищества для улучшения лугов, для выращивания семян, для улучшения породы скота. Сочетайте науку с кооперацией и дайте двум этим силам простор в ваших планах, помыслах и действиях. Будите вокруг себя мысль о горе—злосчастья нашей страны, об отсталом хозяйстве на земле, о миллионах голодающих из за этого людей.

Это будет наша длительная борьба с голодом и болезнями, с этими давними бичами человечества.

В этой борьбе мы все всенародно спаяемся, сплотимся и перейдем к мирному строительству на началах взаимной помощи, на началах кооперации.

Братья-земледельцы! Теперь земля—почва в ваших руках, в руках тружеников. Закрепите это владение за собой *культурной* обработкой этой земли, заботливым уходом, приложением науки и кооперации.

В дни помощи голодающему Поволжью укрепляйте-же свою волю обетами работать

для поднятия культуры родной страны, родного края.

Последствия такого большого неурожая, какой случился в Поволжье не могут быть изжиты в один год. Задача всенародной помощи голодным заключается и в том, чтобы каждый край поднял свои собственные ресурсы.

В хозяйстве нашего Северного края заложены большие возможности к развитию производительных сил.

Нужно лишь встряхнуть себя, оглянуться внимательно кругом, вдохновить себя на делание общего дела и перед нами откроется путь, ведущий к излечению наших зол и несчастий.

Наш Юго-Восток ослабел от стихийных бедствий. Пусть Север подхватывает падающее знамя прогресса, пусть старая Великобритания вспомнит труды своих предков—колонизаторов и в своем Северном крае соединит науку с кооперацией для культурного использования природных богатств.

**Братья Земледельцы Северного Края!
Помогите Голодающим братьям Поволжья.**

Братья земледельцы Северного Края! спешите встать под знамя науки и кооперации!

В скором времени выйдут из печати новые издания Северосоюза:

1. Евлокимов А. А. Сельскохозяйственная кооперация в условиях настоящего момента. (Справочник для инструкторов, счетоводов, курсантов-кооператоров). Вып. 1, 4 печатных листа. **Цена 5000 руб.**
2. Стенной календарь на 1922 год, размером писчий лист, на плотной бумаге **ценою 1000 руб.**
3. Перфильев. Как собирать и сушить растения для гербария. Изд. 2-ое. **Цена 1000 руб.**

На книжном складе имеются в продаже печатные издания б. Вологодского О-ва Сельского Хозяйства и Северосоюза, а также канцелярские и бухгалтерские бланки в любом количестве.

Заказы направлять: Вологда, Северосоюз, Торговая пл., соб. дом.

→ ОТКРЫТА ПОДПИСКА ←

на ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНАЯ КООПЕРАЦИЯ“

издаваемый Вологодскими Кооперативными Союзами:
СЕВЕРОСОЮЗОМ, ЛЕСОАРТЕЛЬЮ и АРТЕЛЬСОЮЗОМ:

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ.

Цена номера 5000 руб.

— Вышли два номера. —

Редакция: Вологда, Северосоюз. Неторговый Отдел.